

ОТЗЫВ

официального оппонента Купцовой Ирины Александровны на диссертационное исследование Чебыкина Дмитрия Дмитриевича на тему «Инструменты "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии», представленное на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Диссертационное исследование Д.Д. Чебыкина посвящено одной из наиболее востребованных и вместе с тем теоретически не до конца разработанных проблем современной культурологии – осмыслению инструментов «мягкой силы» в контексте кросс-культурного взаимодействия. Обращение к данной теме представляется не просто актуальным, но и своевременным, что обусловлено следующими факторами.

Актуальность темы исследования.

Во-первых, в условиях глобализации и цифровизации кросс-культурное взаимодействие выходит на качественно новый уровень, становясь неотъемлемой частью международных отношений. Однако, как справедливо отмечает автор, данный процесс носит двойственный характер: с одной стороны, технологии упрощают коммуникацию, с другой – ведут к культурной гомогенизации и угрозе локальным идентичностям (с. 3-4 диссертации). Это требует поиска новых механизмов, позволяющих выстраивать диалог культур без утраты их самобытности.

Во-вторых, концепция «мягкой силы», введенная Дж. Наем, традиционно рассматривалась преимущественно в политологическом ключе. Автор диссертации убедительно доказывает необходимость ее культурологического переосмысления. «Мягкая сила» представлена в диссертации не просто как инструмент политического влияния, а как сложный механизм трансляции культурных ценностей, норм и смыслов, напрямую влияющий на эффективность кросс-культурной коммуникации.

В-третьих, перед Российской Федерацией, как активным участником международных отношений, стоит задача выстраивания собственной эффективной модели «мягкой силы», учитывающей как национальные интересы, так и глобальные тренды. Исследование зарубежного опыта (США, Великобритания, КНР, Япония) и его сопоставление с отечественными практиками, предпринятое в диссертации, имеет не только теоретическую, но и практическую ценность, позволяя актуализировать подходы к реализации внешней культурной политики страны. В связи с этим диссертационное исследование Д.Д. Чебыкина отвечает насущным запросам современных гуманитарных наук и общественной практики, поднимает ряд важных и значимых культурологических проблем.

Степень обоснованности научных положений, выводов и заключений, сформулированных в диссертации.

Научная концепция исследования четко сформулирована во Введении. Автор грамотно определяет объект, предмет, цель и задачи работы (с. 10-11), что позволяет проследить логику исследования от теоретического анализа к практическим выводам. Положения, выносимые на защиту (с. 14-16),

коррелируют с поставленными задачами и отражают основные научные результаты диссертации.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается, прежде всего, продуманной методологической базой. В рамках культурологической междисциплинарности диссертант опирается на взаимодополняющие подходы: системный подход, позволяющий рассмотреть кросс-культурное взаимодействие в совокупности всех его компонентов; институциональный подход, применяющийся для анализа акторов, реализующих инструменты «мягкой силы».

Кроме того, автор привлекает специальные методы исследования, такие как юридическая герменевтика (для анализа нормативно-правовых актов), ДЕА-анализ (для оценки эффективности зарубежного опыта) и кейс-стади (для анализа конкретных мероприятий соответствующих культурных центров). Это свидетельствует о высоком уровне исследовательской культуры автора и стремлении к объективности.

Обоснованность выводов подтверждается репрезентативной источниковой базой. Список литературы включает 186 наименований, в том числе нормативно-правовые акты Российской Федерации, международные договоры, статистические данные, отчетные документы, а также значительный массив зарубежных и отечественных научных трудов. Это позволило автору всесторонне раскрыть исследуемую тему и обеспечить достоверность положений, выносимых на защиту.

Апробация результатов исследования осуществлена в достаточной степени. Основные положения диссертации изложены в 7 научных публикациях, из которых 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Результаты исследования были представлены на многочисленных международных и всероссийских конференциях в Симферополе, Москве, Кемерово, Краснодаре и др., что свидетельствует о широком обсуждении работы в научном сообществе.

Научная новизна диссертационного исследования Д.Д. Чебыкина не вызывает сомнений и заключается в следующем.

Культурологическая концептуализация «мягкой силы». В отличие от преобладающих политологических трактовок, автор впервые системно рассматривает «мягкую силу» как культурный феномен, укорененный в историко-философской и культурно-антропологической традиции. Прослеживая генезис идей ненасильственного влияния, диссертант обосновывает наличие двух оснований «мягкой силы»: коммуникативного (философская традиция) и управленческо-прикладного (культурно-антропологическая традиция) (с. 69-71).

Разработка авторской системы оценки эффективности. На основе анализа теорий кросс-культурного взаимодействия (Г. Хофстеде, Э. Холл, Э. Хирш, М. Беннетт) автором выделены ключевые компоненты кросс-культурного взаимодействия (культурный контекст, язык, культурная грамотность и образованность). Это позволило сформулировать систему критериев для оценки эффективности применения инструментов «мягкой

силы» по четырем направлениям: углубление понимания культурного контекста, популяризация языка, повышение грамотности и популяризация образования/науки (с. 34-37, таблица 1). Заслуживает внимания авторская операционализация этих критериев с опорой на международные индексы (Brand Finance, Duolingo, Wisevoter).

Авторская классификация инструментов «мягкой силы». Предложена оригинальная двухкритериальная классификация инструментов «мягкой силы»: по основному ресурсу воздействия (культурная, научная, спортивная дипломатия, дипломатия наследия и др.) и по способу влияния (народная, общественная, цифровая, детская дипломатия). Важным достоинством работы является учет кумулятивного эффекта, то есть возможности одновременного использования инструментов «мягкой силы» из разных групп (с. 79-80).

Выявление и типологизация стратегических подходов к реализации «мягкой силы». На основе компаративного анализа соответствующего зарубежного опыта (США, Великобритания, КНР, Япония) автором проведена систематизация существующих практик, в результате которой дифференцированы два ключевых подхода: политико-ориентированный, при котором культурный ресурс используется преимущественно как проводник политических ценностей (США, Великобритания), и культуроцентричный, где национальная культура выступает самостоятельной основой инструментального обеспечения, а её продвижение является приоритетной целью (КНР, Япония). Соотнесение конкретных кейсов с данными подходами (с. 133-134) позволяет уточнить понимание ресурсной специфики «мягкой силы» и векторов ее реализации в современном мире.

Введение и обоснование понятия «дипломатия наследия». В контексте отечественной практики автором уточнено и содержательно наполнено понятие «дипломатия наследия», определяемое как государственная деятельность по охране и популяризации российского культурного и исторического наследия за рубежом с целью формирования позитивного образа России и укрепления межкультурного диалога (с. 145). Это понятие получает в работе инструментальное обоснование и использование, подкрепленное конкретными примерами.

Сравнительный анализ систем акторов «мягкой силы». В работе, в зависимости от модели культурной политики (по М. Драгичевич-Шешич), детально проанализированы системы акторов «мягкой силы». Выявлены преимущества и недостатки одноуровневой (КНР) и двухуровневой (США, Россия, Япония) систем, а также показана специфика российской системы, ориентированной на поддержку соотечественников и носителей традиционных ценностей в рамках концепции «Русского мира».

Ценность результатов, полученных автором, для соответствующей отрасли науки.

Диссертационное исследование Д.Д. Чебыкина вносит значимый вклад в развитие теории и истории культуры. Его ценность для отрасли культурологии определяется несколькими аспектами.

Во-первых, работа расширяет проблемное поле культурологии за счет введения и концептуализации категории «инструменты "мягкой силы"» в контексте кросс-культурного взаимодействия. Автор убедительно демонстрирует, что «мягкая сила» не может быть редуцирована исключительно к политологическому дискурсу – она представляет собой сложный культурный механизм, функционирующий через трансляцию ценностей, смыслов и идентичностей. Тем самым исследование способствует углублению понимания того, как культура в современном мире становится действенным фактором международных отношений и диалога цивилизаций.

Во-вторых, предложенная автором классификация инструментов «мягкой силы» и выделение двух стратегических подходов (политико-ориентированного и культуроцентричного) имеют важное теоретико-методологическое значение. Они позволяют систематизировать многообразные практики культурной дипломатии, выявить их национальную специфику и прогнозировать эффективность тех или иных инструментов в различных геополитических и социокультурных условиях.

В-третьих, особую ценность представляет авторское использование понятия «дипломатии наследия» как специфически российского инструмента «мягкой силы». Данное понятие не только обогащает терминологический аппарат культурологии, но и открывает новые перспективы для исследования роли культурного наследия в современных международных отношениях, в частности, его потенциала в преодолении этноцентризма и формировании гармоничных межкультурных взаимодействий.

В-четвертых, работа имеет важное междисциплинарное значение, так как ее исследовательское поле находится на стыке культурологии, политологии и социологии, теории коммуникации.

Предложенные автором подходы и выводы могут быть использованы специалистами в области культурной политики, международных отношений, а также преподавателями при разработке учебных курсов по теории и истории культуры, межкультурной коммуникации, культурной дипломатии.

Таким образом, результаты диссертации существенно дополняют и углубляют научные представления о современных формах межкультурных взаимодействий и механизмах их оптимизации.

Практическая значимость, конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации.

Практическая значимость диссертационного исследования Д.Д. Чебыкина определяется прикладным потенциалом работы и возможностью использования полученных результатов в различных сферах.

В деятельности государственных структур. Разработанные автором критерии оценки эффективности инструментов «мягкой силы» и предложенная классификация могут быть востребованы органами власти, реализующими внешнюю культурную политику. Представленный в работе анализ зарубежного опыта (программы IVLP, «Один пояс – один путь», «Cool Japan» и др.) позволяет скорректировать российскую стратегию «мягкой силы» с учетом как успешных практик, так и выявленных ограничений. В

частности, выводы о необходимости институционализации государственно-частного партнерства в сфере продвижения российских культурных продуктов (с. 173-174) могут быть положены в основу принятия соответствующих управленческих решений.

В образовательном процессе материалы диссертации могут быть использованы при разработке и чтении лекционных курсов по культурологии, теории и истории культуры, межкультурной коммуникации, культурной дипломатии, а также в системе повышения квалификации специалистов в области международного гуманитарного сотрудничества. Предложенная автором методика анализа инструментов «мягкой силы» может стать основой для проведения практических занятий и семинаров для соответствующих специалистов.

В научно-исследовательской деятельности результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения таких феноменов, как культурная дипломатия, дипломатия наследия, национальные модели «мягкой силы». Сформулированные автором положения могут служить теоретической базой для проведения прикладных социологических и культурологических исследований, направленных на мониторинг эффективности внешней культурной политики.

В деятельности общественных организаций: выводы о роли народной и общественной дипломатии, а также о значении неправительственных организаций как акторов «мягкой силы» могут быть полезны для НКО, работающих в сфере международного культурного обмена, при планировании и реализации соответствующих социокультурных проектов.

Представляется важной рекомендация автора о возможности адаптации японского опыта (программа «Cool Japan») к российским условиям с учетом специфики отечественного культурного производства и внешнеполитических приоритетов. Предложение о создании российского аналога Совета по индустрии контента (с. 174) видится практически значимым и своевременным.

Оценка содержания диссертации и ее завершенности.

Диссертационное исследование Д.Д. Чебыкина представляет собой завершенную, самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, отличающуюся логичностью построения и внутренним единством. Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования и включает введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

Во введении обоснована актуальность темы, проанализирована степень ее научной разработанности, сформулированы объект, предмет, цель и задачи, определены методологические основы, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены положения, выносимые на защиту, а также данные об апробации результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения кросс-культурного взаимодействия» имеет методологический характер. В параграфе 1.1 автор анализирует основные подходы к изучению кросс-культурного взаимодействия (Г. Хофстеде, Э. Холл, Э. Хирш, М. Беннетт) и на этой основе выделяет его ключевые компоненты: культурный контекст, язык, культурную

грамотность и образованность. Важным теоретическим результатом является установление роли государства в формировании этих компонентов через внешнюю культурную политику, что позволяет перейти к анализу «мягкой силы» как основному механизму такого воздействия. В параграфе 1.2 автор рассматривает особенности кросс-культурного взаимодействия в условиях глобализации, привлекая широкий спектр теорий (К. Маркс, Р. Робертсон, М. Кастельс, Д. Хелд, Э. Макгрю, И. Валлерстайн и др.). Особый интерес представляет выявление двух ключевых тенденций – гомогенизации и гетерогенизации культуры, которые в дальнейшем ложатся в основу анализа стратегий «мягкой силы».

Вторая глава «Концепция "мягкой силы": генезис и особенности её применения во внешней культурной политике» посвящена теоретическому осмыслению феномена «мягкой силы». В параграфе 2.1 автор предпринимает успешную попытку реконструкции генезиса идей «мягкой силы» в философской и культурно-антропологической традициях. Это позволяет обосновать наличие двух оснований «мягкой силы» – коммуникативного и управленческо-прикладного. Параграф 2.2 содержит детальный анализ ресурсов и инструментов «мягкой силы». Автор предлагает собственную классификацию, выделяя инструменты по основному ресурсу воздействия и по способу влияния, а также подробно рассматривает систему акторов «мягкой силы» в зависимости от модели культурной политики (на примере США, КНР и России). В частности, использование модели коммуникации Вестли-Маклина (с. 74-76) для демонстрации процесса реализации «мягкой силы» представляется удачным методологическим ходом.

Третья глава «Современные практики применения инструментов "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии» является аналитической и эмпирически насыщенной. В параграфе 3.1 автор последовательно анализирует подходы к реализации «мягкой силы» в США, Великобритании, КНР и Японии, выявляя их специфику и оценивая эффективность по выделенным ранее критериям с привлечением международных индексов (таблицы 3-6). Это позволяет диссертанту обоснованно выделить два стратегических подхода – политико-ориентированный и культуроцентричный. Параграф 3.2 посвящен отечественным практикам. Автор подробно рассматривает соответствующую нормативно-правовую базу, деятельность Россотрудничества и Фонда «Русский мир», обосновывает понятие «дипломатия наследия» как один из инструментов «мягкой силы», иллюстрируя его конкретными кейсами. Особого внимания заслуживает сравнительный анализ эффективности применения инструментов «мягкой силы» России (таблица 7) и обоснование целесообразности использования японского опыта в соответствующей отечественной практике.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, подтверждающие положения, выносимые на защиту, а также намечены перспективы дальнейшей разработки заявленной темы.

Диссертация написана научным стилем, изложение материала отличается ясностью и логичностью.

Замечания по диссертационной работе.

Отмечая высокий научный уровень проведенного исследования, его теоретическую и практическую значимость, следует высказать ряд замечаний и вопросов дискуссионного характера, которые не снижают общей положительной оценки работы, но могут быть учтены автором в дальнейшей научной деятельности.

Речь идет о соотношении понятий «публичная дипломатия» и «инструменты "мягкой силы"». Автор справедливо указывает на избыточную обобщенность категории «публичная дипломатия» и исключает ее из предлагаемой классификации инструментов (с. 79). Однако при анализе конкретных зарубежных практик (параграф 3.1) грань между публичной дипломатией как процессом и конкретными инструментами «мягкой силы» (культурная, образовательная, научная дипломатия) порой становится недостаточно четкой. Возникает вопрос: всегда ли автор проводит строгое разграничение между этими понятиями, и не приводит ли это к терминологической неоднозначности при оценке эффективности тех или иных соответствующих программ (например, при анализе американской «International Visitor Leadership Program» или британской «Turing Scheme»)?

Следующее замечание связано с проблемой измерения эффективности инструментов «мягкой силы». Использование международных рейтингов (Brand Finance, Duolingo, Wisevoter) для количественной оценки эффективности (таблицы 3-7) является сильной стороной работы, позволяющей верифицировать теоретические выводы. Вместе с тем, как верно отмечает сам диссертант, существующие индексы обладают значительной долей субъективности и ориентированы преимущественно на западную аудиторию (с. 162). В связи с этим хотелось бы услышать мнение автора: насколько репрезентативны эти индексы для оценки «культуроцентричных» стратегий (Китай, Япония, Россия) и не целесообразно ли в дальнейших исследованиях дополнить их качественными индикаторами, отражающими восприятие культуры в незападных странах и в рамках межцивилизационного диалога (например, в странах БРИКС, ШОС)?

Вопрос вызывает тезис автора о перспективах адаптации японского опыта к отечественной практике. В частности, в работе убедительно обосновывается мысль о целесообразности адаптации японской программы «Cool Japan» в России (с. 165-167, 173-174). Автор справедливо указывает на институциональный разрыв между производством и продвижением культурного продукта в отечественной практике. Однако при обсуждении перспектив заимствования, возможно, стоило бы более детально рассмотреть не только возможности, но и потенциальные риски и ограничения такой адаптации. Они могут быть связаны с различиями в структуре и степени зрелости креативных индустрий, в моделях государственно-частного партнерства, а также с особенностями восприятия российской массовой культуры на тех или иных зарубежных рынках. Какие конкретно препятствия, помимо уже упомянутой закрытости западных рынков, видит автор на пути формирования российского аналога «Cool Japan»?

Высказанные замечания носят уточняющий и рекомендательный характер, не ставят под сомнение обоснованность основных научных положений и не влияют на общую высокую оценку диссертационной работы.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней.

Таким образом, диссертационное исследование Чебыкина Дмитрия Дмитриевича на тему «Инструменты "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии» является самостоятельно выполненной, законченной научно-квалификационной работой, имеющей значение для развития теории и истории культуры, соответствует паспорту специальности в части пунктов: 26. Политика как феномен культуры; 28. Право как феномен культуры; 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; 36. Культура и национальный характер; 41. Диалог культур и их взаимообогащение. Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира, требованиям пп. 9–11 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335, от 02.08.2016 № 748, от 29.05.2017 № 650, от 28.08.2017 № 1024, от 01.10.2018 № 1168, от 20.03.2021 № 426, от 11.09.2021 № 1539, 26.09.2022 № 1690, 26.01.2023 № 101, 18.03.2023 № 415; с изм., внесенными Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2014 № АКПИ14-115), а её автор Чебыкин Дмитрий Дмитриевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Официальный оппонент:

доктор культурологии, доцент,

заведующий кафедрой медиаобразования

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения

высшего образования «Московский педагогический

государственный университет»

Ирина Александровна Купцова

06 апреля 2026 года

Сведения об оппоненте: доктор культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры, доцент, заведующий кафедрой медиаобразования, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Адрес: 119435, Российская Федерация, Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1

e-mail: ia.kupcova@mpgu.su, web-сайт: <https://mpgu.su>

И.А. Купцова
УДОСТОВЕРЯЮ
Заведующий
Управления
делами
А.Б. Никитина